

Го Цань вдруг замолчал, словно тыква с отрезанным горлышком, и в душе у него застрял ком обиды. Он ждал, когда новый уездный начальник Цзинъяна прибудет, чтобы выплеснуть на него свои эмоции.

Чжао Кэжань, преодолев тысячи трудностей, наконец вошел в город Цзиньянь и чихнул.

Наверняка этот дешевый братец 000 мысленно его ругает.

— Брат, это медовая водичка? Рыбке кажется, она такая сладкая!

Чжао Сяоюй обнимал бурдюк и пил воду из духовного источника. Вода была насыщена духовной энергией, впитавшей силу растений и деревьев, на вкус она была невероятно сладкой.

Чжао Кэжань погладил голову Чжао Сяоюя и, не краснея и не смущаясь, солгал:

— Если вкусно, значит, пей больше. Это полезно для здоровья.

Он явно дал понять, что в бурдюке была медовая вода.

— Молодой господин, мы прибыли.

Шу Мо остановил повозку у городских ворот Цзинъяна. Услышав это, Чжао Кэжань приподнял занавеску и выглянул наружу.

Перед глазами предстали ворота, сложенные из серых кирпичей, излучающие древний дух.

Чжао Кэжань посмотрел на них и, почувствовав холод, снова спрятался в повозку.

Он достал из сумки дорожную грамоту и грамоту о назначении, передал их Шу Мо. Тот, приняв документы, аккуратно подошел к стражнику у ворот и показал их.

Стражник, который надеялся получить немного денег на выпивку, изменился в лице, увидев грамоту о назначении.

Его высокомерное выражение мгновенно сменилось подобострастной улыбкой. Цянь Сы, так звали стражника, так быстро сменил маску, что Шу Мо даже испугался.

Но это длилось лишь мгновение. Ведь в Фэнъяне он часто сталкивался с подобным. Просто в последние дни, постоянно находясь в пути, он думал только о том, как выжить, и немного забыл о своих днях в Фэнъяне.

— Оказывается, это сам уездный начальник прибыл! Прошу простить за мою недальновидность, что задержал ваше вступление в город.

Цянь Сы сложил руки в приветствии, выполнив не совсем уместный поклон.

Шу Мо, хоть и чувствовал презрение, внешне не показал этого. Ведь они только что прибыли, и с местными авторитетами лучше не связываться.

Цянь Сы был сметливым и среди стражников пользовался определенной репутацией. Поэтому задача сопроводить нового уездного начальника в управу сразу же досталась ему.

Через некоторое время повозка, обогнув стену управы, остановилась.

Шу Мо, глядя на здание перед собой, не сразу понял, что это ямынь.

Чжао Кэжань, заметив, что повозка стоит уже долго, а Шу Мо не зовет его выйти, начал беспокоиться и приподнял занавеску, чтобы осмотреться.

Ну и дела!

Неужели из-за того, что он не дал денег, этот парень привел их к руинам, чтобы ограбить?

Шу Мо, увидев Чжао Кэжана, тут же пришел в себя и подошел, чтобы помочь.

— Молодой господин, осторожнее.

Чжао Кэжань, опираясь на плечо Шу Мо, вышел из повозки. Чжао Сяюя Шу Мо вынес из повозки на руках. Чжао Кэжань собирался попросить Цянь Сы войти и передать, чтобы из управы вышли люди и показали дорогу.

Но прежде чем он успел заговорить, из управы поспешно выбежали трое.

Один из них был уже седовласым, а двое других выглядели крепкими, хотя у одного не было руки, а у другого была хромая нога.

— Я помощник уездного начальника Цзинъяна, Фан Чжунъюань. Приветствую уездного начальника. Вы прибыли издалека, а я неправильно рассчитал день, не встретил вас должным образом. Прошу прощения.

Старик поклонился, выполнив официальный поклон.

Помощнику уездного начальника уже было за пятьдесят. В Цзинъяне сменилось множество уездных начальников, и он проводил уже пятерых.

Все они были разными по внешности и характеру, но одинаково жадными.

Увидев Чжао Кэжана впервые, он подумал про себя, что за эти годы сменилось множество уездных начальников, а он, помощник, оставался на месте. Он видел и высоких, и низких, и толстых, и худых, но молодого человека еще не провожал.

Перед ним стоял юноша, который, несмотря на усталость от долгого пути, выглядел как небесный отрок. Его изысканная и спокойная манера поведения удивила старика. Такое здесь, на границе, не встречалось. Он видел подобное только в книгах.

В эпоху династии Да Юань младшие чиновники при встрече с высшими всегда совершали поклон.

Чжао Кэжань, благодаря памяти прежнего хозяина тела, инстинктивно ответил на поклон.

Хотя он был начальником, он еще не достиг совершеннолетия, и перед старшими вне официальной обстановки все равно нужно было проявлять уважение.

— Ничего страшного, дорога дальняя. Я хотел прибыть поскорее, поэтому ускорился в пути.

Фан Чжунъюань не ожидал, что новый уездный начальник ответит ему вежливо, и в душе почувствовал некоторое облегчение.

Хотя повозка и сопровождающие выглядели так, будто они спасались бегством. Но раз уездный начальник сказал, что ускорился, чтобы прибыть поскорее, значит, так оно и есть. Не задавать лишних вопросов — это правило, которое Фан Чжунъюань выработал за многие годы.

Фан Чжунъюань посмотрел на двух человек, стоящих за ним, и немного помолчал. Эти двое не были стражниками управы, а были ранеными солдатами, ушедшими в отставку. Оба были молодыми земляками, и он не хотел, чтобы они жили в нужде. Поэтому, воспользовавшись повышением предыдущего уездного начальника, он устроил их в управу стражниками.

В конце концов Фан Чжунъюань решил представить их. Новый уездный начальник выглядел не так, как те, кто не понимал человеческих отношений. Скорее всего, он их не прогонит. Старик, проживший большую часть жизни, не ошибался в людях.

— Эти двое за мной — стражники Цзинъяна.

Фан Чжунъюань сказал это и опустил голову, не решаясь поднять ее, сердце его билось тревожно.

Чжао Кэжань посмотрел на них и поднял бровь:

— Только двое?

— Уездный начальник, Цзинъян находится на границе, жалование стражников низкое, а цены на зерно высокие. Со временем желающих работать здесь стало мало. Предыдущий уездный начальник взял на службу своих слуг, а когда его повысили, они, естественно, ушли с ним.

Фан Чжунъюань не лгал, но это касалось не только предыдущего уездного начальника. Все, кто прибывал в Цзинъян, поступали так. И не только брали слуг, но и приводили с собой охрану.

Жили они не в управе, а в больших домах, подаренных местными знатными семьями, которые получали от этого выгоду. Когда уездные начальники уезжали, дома возвращались к своим владельцам.

Управа давно не ремонтировалась, и кто бы в ней ни жил, должен был заниматься ремонтом. Хотя все они были богаты, но были настоящими скрягами.

Чжао Кэжань, переживший апокалипсис, знал, на что способны люди. Несколько слов Фан Чжунъюаня в сочетании с разрушенной управой позволили ему понять суть дела.

Что ж, раз уж он здесь, нужно приспособливаться. Он не может требовать от других, но будет поступать по совести.

Увидев, что Чжао Кэжань больше не задает вопросов, Фан Чжунъюань успокоился. У Цзю и Сунь Ин, стоящие за ним, тоже облегченно вздохнули. Теперь они официально остались на службе у нового уездного начальника.

Главные ворота управы были заросшими сорняками, а черепица на крыше напоминала лысину — здесь не хватало одного куска, там другого. В дождливую погоду сверху лил дождь, а снизу капала вода.

Проходя через церемониальные ворота, Чжао Кэжань заметил, что главные ворота и западные боковые ворота были закрыты. Фан Чжунъюань, увидев его замешательство, любезно объяснил:

— Эти главные ворота — церемониальные, их обычно не открывают. Вход и выход осуществляются через боковые ворота. Восточные ворота называются «ворота жизни», поэтому они открыты для прохода. А западные — «ворота смерти», через них проходят осужденные на казнь. Поэтому они всегда закрыты.

Чжао Кэжань впервые слышал об этом и снова мысленно удивился, насколько много правил в этом монархическом обществе.

Жилые покои уездного начальника находились за вторым залом, там же жили главный писарь и помощник уездного начальника.

Поскольку управа была небольшой, примерно через пять минут они дошли до жилых помещений.

Сунь Ин, у которого не было одной руки, повел повозку в конюшню. У Цзю нес большой деревянный ящик, а на руке у него висело несколько узлов, и он следовал за Чжао Кэжанем.

Вместе они привели в порядок комнаты, иначе ночью было бы негде спать.

Чжао Сяюй был маленьким ребенком, и, устав, он захотел спать. Чжао Кэжань, который хотел сначала просушить одеяло из ивового пуха, вынужден был отказаться от этой затеи.

Старый помощник уездного начальника, увидев их одеяло, загорелся глазами. Видимо, в управе не было лишних одеял, чтобы предложить им.

Шу Мо и помощник уездного начальника отправились на склад проверять запасы зерна, а Чжао Кэжань остался в комнате, чтобы разобрать вещи.

На самом деле у Чжао Кэжана не было много вещей. Все, что он взял с собой, было подготовлено семьей Чжао. На горе Шоуцзюнь он потерял почти все.

В ночь перед спуском с горы у прежнего хозяина тела был только большой запертый деревянный ящик, который Чжао Кэжань забрал с собой в семью Чжао.

Что было внутри, он не знал. Возможно, это было что-то личное, о чем не хотели знать посторонние. У Чжао Кэжана не было воспоминаний о содержимом ящика.

Но только что вернувшись в дом Чжао, он снова собрался в путь. Ему было лень разбирать вещи, и он просто взял ящик с собой, считая его своим багажом.

<http://bllate.org/book/17722/1656472>